

М.П. Баженов

К вопросу о возвышении "полезного
значения" пригготовительных
классов при духовных училищах

Опубликовано:
Христианское чтение. 1890. № 1-2. С. 33-75.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Къ вопросу о возвышеніи „полезнаго значенія“ приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ.

Еще такъ недавно дальнѣйшее существованіе приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ было сомнительно, особенно со времени закрытія этихъ классовъ при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ настоящее же время существованіе ихъ упрочено первымъ циркуляромъ по духовно-учебному вѣдомству за прошлый 1888-й годъ: въ числѣ другихъ распоряженій г. оберъ-прокурора св. Синода, напечатанныхъ въ этомъ циркулярѣ, имѣется и такое, которымъ признается „полезное значеніе“ этихъ классовъ и рекомендуется начальствамъ духовныхъ училищъ заботиться, какъ о сохраненіи на будущее время существующихъ, такъ и объ учрежденіи вновь приготовительныхъ классовъ при тѣхъ училищахъ, при которыхъ они или не были учреждены или были закрыты.

Забывая о дальнѣйшемъ существованіи приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ, думаемъ, благовременно и необходимо также позаботиться и о возвышеніи „полезнаго значенія“ ихъ; ибо эти классы, будучи и теперь дѣйствительно полезными учрежденіями, все же имѣютъ и нѣкоторые болѣе или менѣе важные недостатки, съ устраненіемъ которыхъ они могли бы быть еще болѣе полезными. Нужно было ожидать, что еще при измѣненіи училищнаго устава и пересмотрѣ учебныхъ плановъ для штатныхъ классовъ будетъ обращено надлежащее вниманіе и на приготовительные классы, а между тѣмъ, тогда дѣло ничуть не коснулось ихъ, какъ будто они не нуждались ни въ какихъ поправкахъ, с

необходимости которыхъ, правда, сколько намъ извѣстно, не говорилось въ печати, что, полагаемъ, и было главною причиною того, что приготовительные классы остались въ прежнемъ видѣ, ибо пословица говоритъ: „дѣтя не плачетъ, мать не разумѣетъ“. Полагая, что и теперь еще не поздно, что и теперь всякая попытка въ этомъ направленіи принесетъ свою долю пользы, а потому попытаемся и мы оказать въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе, по мѣрѣ нашихъ силъ.

Изъ многоразличныхъ сторонъ учебно-воспитательнаго дѣла въ приготовительныхъ классахъ, нуждающихся въ поправкахъ, въ настоящее время обратили на себя наше вниманіе слѣдующія:

I.

Приемные экзамены въ приготовительные классы.

Успѣхъ учебнаго дѣла въ приготовительныхъ классахъ прежде всего находится въ значительной зависимости отъ приемныхъ экзаменовъ въ эти классы, которыхъ значеніе въ данномъ случаѣ несравненно важнѣе, чѣмъ переводныхъ, а потому начинаемъ изложеніе принятаго нами на себя дѣла съ причинъ, по которымъ эти экзамены въ настоящее время часто не достигаютъ своей цѣли.

1. Требования § 6 общихъ положеній о приготовительныхъ классахъ, очевидно, недостаточны для опредѣленія правоспособности поступающихъ въ эти классы дѣтей къ прохожденію или учебнаго курса этихъ классовъ, — особенно по русскому языку, по которому отъ нихъ требуется лишь „умѣнье разбирать печатную книгу“. При такомъ требованіи, на ряду съ большинствомъ поступающихъ удовлетворительной подготовки, имѣютъ право на поступленіе въ приготовительные классы и тѣ изъ дѣтей, которыя едва только кончили звуки и буквы русскаго алфавита, благодаря звуковому обученію грамотъ, потому что, учась по этому способу, и они уже могутъ разбирать любую печатную русскую книгу ¹⁾. А

¹⁾ Поступленіе такихъ дѣтей въ приготовительные классы тѣмъ болѣе возможно, что въ числѣ требованій § 6 даже не упоминается ни о письмѣ по русски, ни объ умѣнь считать.

вѣдь, какъ извѣстно, отъ умѣнья разбирать книгу до умѣнья читать ее бѣгло, сознательно и выразительно, какъ это полагается въ приготовительныхъ классахъ, — очень далеко, несравненно дальше, чѣмъ отъ полного незнакомства съ книгою до умѣнья разбирать ее, а слѣдовательно, на одинъ годъ ученія въ приготовительныхъ классахъ, кромѣ прочаго, уже надъ однимъ чтеніемъ приходится работы несравненно больше, чѣмъ на все время ихъ домашней подготовки, особенно если примемъ во вниманіе, что въ быту духовенства вообще и въ частности низшаго клира, котораго дѣти составляютъ большинство учащихся въ духовныхъ училищахъ, не принято заботиться о постепенномъ умственномъ развитіи своихъ дѣтей до школы, то понятно будетъ, что и развитіе дѣтей, поступающихъ въ приготовительные классы, соотвѣтствуя количеству времени, проведеннаго ими въ школѣ, въ большинствѣ случаевъ, соотвѣтствуетъ также и качеству ихъ чтенія.

Во всѣхъ случаяхъ пріема въ приготовительные классы дѣтей, хотя и удовлетворяющихъ § 6-му общихъ положеній о приготовительныхъ классахъ, но, видимо, безсилныхъ успѣть въ первый годъ ихъ ученія на столько, чтобы перейти въ первый классъ училища, обыкновенно вся надежда возлагается на второй годъ ихъ ученія въ одномъ и томъ же классѣ и, конечно, ошибочно: ибо пріемъ дѣтей въ училище, съ завѣдомою цѣлію оставленія ихъ на второй годъ и при соблюденіи § 6-го общихъ положеній о приготовительныхъ классахъ, конечно, остается явленіемъ одинаково не нормальнымъ и вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ и переводъ учениковъ въ слѣдующій классъ, съ цѣлію оставленія ихъ въ немъ на второй курсъ. Естественна, что при многолюдномъ составѣ приготовительныхъ классовъ (нерѣдко превышающемъ⁵ узаконенный предѣлъ—50 человѣкъ) было бы не только не педагогично, но и положительно безразсудно со стороны учителя всякое усиліе приготовить такихъ учениковъ къ переходу въ слѣдующій классъ въ первый же годъ ихъ ученія, тѣмъ болѣе, что кромѣ ихъ (приблизительно около 5 человѣкъ ежегодно), обыкновенно бываютъ въ классѣ (приблизительно около 10 человѣкъ и выше) отстающіе, но, очевидно, подающіе надежду на успѣхъ въ будущемъ. Если

справедлива пословица— „семеро не ждутъ одного“, то тѣмъ болѣе было бы несправедливо заставлятъ 50 слишкомъ человекъ ожидать какихъ нибудь 5 человекъ и, притомъ, въ явный ущербъ первымъ, при сомнительной отъ того пользѣ послѣднимъ. По этому-то не всегда удобно бываетъ даже такое участіе послѣднихъ учениковъ въ классной работѣ, какое необходимо ради соблюденія или надлежащей дисциплины въ классѣ. Будучи въ такомъ положеніи, они мѣшаютъ другимъ, не достигая цѣли сами. Таковы результаты перваго года ихъ ученія въ приготовительномъ классѣ, или, вѣрнѣе, пребыванія въ немъ! Во второй годъ—рѣдко бываетъ лучше.

Совсѣмъ другое дѣло могло бы быть, если бы § 6-й общихъ положеній о приготовительныхъ классахъ былъ измѣненъ на столько, чтобы пріемные экзамены достигали цѣли, чтобы на основаніи этого параграфа не могли имѣть мѣста случаи принятія въ приготовительные классы дѣтей, видимо, не приготовленныхъ къ прохожденію ими учебнаго курса этихъ классовъ: тогда надлежаще приготовленные дѣти имѣли бы возможность отчетливѣе и скорѣе усвоить учебный курсъ этихъ классовъ, а дѣти, неудостоенныя принятія въ приготовительные классы, за отсутствіемъ надлежащей подготовки, тоже скорѣе отъ того выиграли бы, чѣмъ проиграли; ибо имъ нужны занятія не въ многочисленныхъ классахъ, а одиночныя, домашнія, благодаря которымъ они впоследствии могли бы быть принятыми въ приготовительный классъ съ большей пользою для нихъ и съ меньшей опасностью вреда отъ нихъ другимъ, конечно, если не помѣшаетъ тому ихъ возрастъ, а въ противномъ случаѣ—у нихъ не было бы совершенно напрасно потеряннаго года, и они были бы своевременно пристроены въ другомъ какомъ либо мѣстѣ. Наконецъ, при этомъ не было бы, какъ теперь, законнаго основанія въ § 6-мъ общихъ положеній о приготовительныхъ классахъ къ прямому нарушенію 4-го § тѣхъ же положеній, ибо были бы оставлены на второй годъ лишь тѣ дѣти, которыя казались по экзамену надлежаще приготовленными, но впоследствии не оказались такими, по какимъ бы то ни было причинамъ.

2. Къ числу причинъ, препятствующихъ достиженію цѣли пріемныхъ экзаменовъ, принадлежитъ, далѣе, трудность опредѣленія

надлежащихъ знаній и развитія дѣтей, поступающихъ въ приготовительные классы, свойственная болѣе пріемнымъ экзаменамъ вообще, чѣмъ переводнымъ, которымъ въ сомнительныхъ случаяхъ служить большимъ облегченіемъ болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ дѣтьми въ классѣ въ теченіе года. Если и на переводныхъ экзаменахъ случается иногда, что ученикъ оказывается совершенно инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ—слабый больше знающимъ, чѣмъ дѣйствительно знающимъ; то тѣмъ легче возможны такія явленія на пріемныхъ экзаменахъ? Причиною такихъ явленій бываетъ, конечно, то, что одни дѣти, по свойству своей природы, бываютъ на экзаменѣ смѣлы, развязны, способны показать все, что имѣютъ, а другія напротивъ—робки, застычивы. Кроме того, неспособность нѣкоторыхъ изъ дѣтей, поступающихъ въ приготовительные классы, показать свои знанія на экзаменѣ часто находится въ зависимости и отъ другихъ многоразличныхъ причинъ. Такими причинами, напр., бываютъ: нерѣдкая въ нашемъ духовномъ быту запуганность дѣтей; захолустная жизнь ихъ въ домахъ родителей, благодаря которой они бываютъ дики и застычивы; недоброе предубѣжденіе дѣтей объ учителѣ и училищѣ, которыми часто ихъ пугаютъ родители съ раннихъ поръ; совершеннѣйшее несходство домашней обстановки съ тою, при которой они держатъ экзаменъ; продолжительное (напр. отъ 9-ти часовъ утра до 7-ми вечера) напряженное состояніе дѣтей въ ожиданіи экзамена, какъ это бываетъ при наплывѣ поступающихъ (напр. болѣе 80 чело-вѣкъ), когда назначаютъ для пріемнаго экзамена только лишь одинъ день; торопливое производство экзаменовъ, когда дѣти не имѣютъ возможности придти въ себя; непривѣтливое, а тѣмъ болѣе грубое обращеніе экзаменующихъ съ дѣтьми и проч.

Въ виду всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ обстоятельствъ, чтобы меньше было ошибокъ на пріемныхъ экзаменахъ, прежде всего обращеніе экзаменующихъ къ дѣтямъ должно быть, сколь возможно, привѣтливое. Это первое условіе, какъ не кажется понятнымъ, а между тѣмъ въ практикѣ оно часто не соблюдается. Часто, напр., дѣлаются насмѣшливыя, а иногда и вовсе грубыя, замѣчанія дѣтямъ: относительно ихъ поведенія на экзаменѣ,—манеры держанія себя,—

непріятныхъ привычекъ, — чистоты и опрятности, а особенно относительно ихъ отвѣтовъ. — Второе условіе, которое также часто не соблюдается въ практикѣ, заключается въ томъ, чтобы не назначать для производства пріемныхъ экзаменовъ только одинъ день, и экзаменовать дѣтей не торопясь, а въ случаяхъ сомнительной подготовки, экзаменовать такихъ дѣтей въ нѣсколько пріемовъ, если будетъ нужно и удобно, то и при различной обстановкѣ. Если же и послѣ всего этого дитя окажется сомнительной подготовки, то лучше не принимать его въ число учениковъ, въ виду пользы отъ того классу и вреда для такого дитяти. Правда, и при самой тщательной осмотрительности со стороны экзаменующихъ, ошибки будутъ неизбежны, но онѣ будутъ болѣе рѣдкія и не грубыя, следовательно, менѣе вредныя, исправленіе которыхъ болѣе возможно, чѣмъ въ случаяхъ грубыхъ ошибокъ отъ неосмотрительности, не говоря уже о случаяхъ пріема дѣтей завѣдомо неудовлетворительной подготовки.

3. Наконецъ, пріемные экзамены въ приготовительные классы не только не достигаютъ своей цѣли, но даже иногда теряютъ всякое значеніе, благодаря нѣкоторымъ, установившимся въ училищахъ, обычаямъ и несоблюденію нѣкоторыхъ формальностей.

Таковы. напр. а) обычай представлять въ экзаменномъ спискѣ поступающихъ въ приготовительный классъ, кромѣ существенно важнаго — имени и фамиліи каждаго внесеннаго въ списокъ, и другія свѣдѣнія: время рожденія, происхожденіе или званіе, и живутъ ли родители или сирота, какого училищнаго округа, являлся ли раньше на экзаменъ и проч. Если же почему либо не итѣется въ самомъ спискѣ такихъ свѣдѣній, то на сей случай обыкновенно итѣются подъ руками экзаменующихъ самые документы, заключающіе ихъ.

Этотъ обычай вреденъ тѣмъ, что при этомъ экзаменующіе, волей или неволей, относятся не безъ предубѣжденія и не безъ пристрастія къ отвѣтамъ и оцѣнкѣ ихъ баллами, смотря по тому, кто изъ нихъ кому покровительствуетъ, или кто кому врагъ. Менѣе всего бываетъ при этомъ справедливости въ тѣхъ случаяхъ, когда большинство экзаменующихъ, а тѣмъ болѣе всѣ раздѣляютъ

покровительство или вражду къ той или другой категоріи поступающихъ въ приготовительный классъ.

Ради соблюденія большей справедливости, лучше было бы поступать такимъ образомъ: смотритель училища, принимая прошеніе о допущеніи мальчюка къ экзамену для поступленія въ приготовительный классъ, тутъ же разсматриваетъ документаы и опредѣляетъ, на основаніи имѣющихся въ училищѣ руководящихъ данныхъ, можетъ ли быть мальчикъ допущенъ къ экзамену: а разъ онъ нашелъ возможнымъ кого-либо допустить къ нему, то участь таковыхъ должна быть рѣшена по качеству ихъ отвѣтовъ (согласно первому пункту разъясненій къ § 74-му училищнаго устава), независимо отъ свѣдѣній, заключающихся въ ихъ документахъ, которыя до окончанія экзаменовъ должны оставаться въ секретѣ отъ остальныхъ экзаменаторовъ, какъ свѣдѣнія постороннія—вовсе ненужныя при экзаменѣ. На случай, если бы оказалось удовлетворительно сданныхъ экзаменъ больше, чѣмъ имѣется вакансій, то вопросъ о томъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, долженъ быть рѣшаемъ принципиально, по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ, а не отдѣльнымъ лицамъ. Въ случаѣ же надобности выдѣленія извѣстной части изъ какой нибудь категоріи, то рѣшеніе посредствомъ жребія будетъ въ такихъ случаяхъ всего справедливѣе.

б) Не вполнѣ достигаютъ своей цѣли пріемные экзамены въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ вошло въ обычай, въ случаѣ выбора изъ числа удовлетворительно сданныхъ экзаменъ, отдавать предпочтеніе не качеству ихъ отвѣтовъ, а старшинству возраста, и даже тѣмъ изъ поступающихъ, которые въ предыдущій годъ являлись къ экзамену, но, по какимъ нибудь причинамъ, не были приняты въ число учениковъ приготовительнаго класса, хотя бы они были равны по лѣтамъ, а по своимъ отвѣтамъ были далеко ниже жившихся къ экзамену въ первый разъ.

Этотъ обычай вреденъ тѣмъ, что побуждаетъ родителей и опекуновъ дѣтей поступающихъ въ приготовительный классъ больше заботиться о пріобрѣтеніи права на помѣщеніе своихъ дѣтей въ училище чрезъ предварительную ихъ явку на экзаменъ, чѣмъ чрезъ

надлежащую подготовку. Слѣдовательно, существованіе такого обычая не въ интересахъ училища—съ одной стороны, а съ другой—этотъ обычай составляетъ прямое нарушеніе опредѣленія св. Синода 7—19 апрѣля 1871 г., въ которомъ прямо сказано: „въ тѣхъ случаяхъ, когда число желающихъ поступить въ тотъ или другой классъ училища будетъ превышать положенную норму, предпочтеніе должно быть отдаваемо ученикамъ, которые окажутся по экзамену лучше подготовленными“.

в) Не всегда также достигаютъ своей цѣли приемные экзамены въ подготовительные классы тѣхъ училищъ, въ которыхъ каждому экзаменуемому ставится въ списокъ лишь одинъ баллъ по каждому предмету, а не по числу лицъ, участвующихъ въ производствѣ экзаменовъ (вопреки опр. св. Синода $\frac{7}{19}$ апрѣля 1871 г. и $\frac{5}{20}$ сентября 1873 г.) и, кромѣ того, поставленные отбѣтки не скрѣпляются тотчасъ по окончаніи экзаменовъ подписями всѣхъ экзаменаторовъ, какъ поступаютъ обыкновенно въ случаяхъ переводныхъ экзаменовъ.

Несоблюденіе такой формальности благопріятствуетъ случаямъ несправедливой оцѣнки экзаменующихся, принося такимъ образомъ несомнѣнный вредъ дѣлу; кромѣ того, дѣлаетъ формально одинаково виновными въ томъ всѣхъ участниковъ въ производствѣ экзаменовъ, даже и тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ не были таковыми.

II.

Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ подготовительныхъ классахъ.

Пересмотръ и исправленіе учебныхъ плановъ, преподаваемыхъ въ подготовительныхъ классахъ предметовъ настоятельно необходимы по двумъ соображеніямъ: а) извѣстно, что никакое новое дѣло не бываетъ съ перваго раза такъ удовлетворительно, какъ оно бываетъ съ теченіемъ времени, благодаря поправкамъ практики, а слѣдовательно, и учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ подготовительныхъ классахъ, не могутъ составлять исключенія въ этомъ случаѣ, оставаясь въ первоначальномъ видѣ со времени

ихъ изданія (21 мая 1873 г.) по сіе время; б) такъ какъ въ этихъ учебныхъ планахъ курсъ приготовительныхъ классовъ при- жѣненъ къ прежнимъ программамъ штатныхъ классовъ духовныхъ училищъ, а дѣйствующія теперь программы этихъ классовъ значи- тельно измѣнены противъ прежняго, то, очевидно, что оставленіе программъ учебнаго курса приготовительныхъ классовъ въ перво- начальномъ видѣ непременно вредно отразится какъ на единствѣ преподаванія въ приготовительныхъ классахъ всѣхъ духовныхъ училищъ, особенно въ случаяхъ переходовъ учащихся изъ одного училища въ другое, такъ и на единствѣ преподаванія въ приго- товительномъ и первомъ штатныхъ классахъ каждаго училища.

Изъ всего, что заслуживаетъ особаго вниманія при пересмотрѣ учебныхъ плановъ для приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ, по нашему мнѣнію, особенно важно имѣть въ виду слѣдующее:

1. Церковно-славянское чтеніе.

Несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ мѣстъ учебныхъ плановъ пригото- вительныхъ классовъ нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ штатныхъ классовъ духовныхъ училищъ касается, между прочимъ, обученія церковно-славянскому чтенію въ духовныхъ училищахъ. Такъ, напр., въ числѣ прочихъ требованій отъ поступающихъ въ приготовительный классъ, въ объяснительной запискѣ къ програм- мѣ приготовительнаго класса, имѣется требованіе толковаго произ- ношенія положенныхъ молитвъ, обнаруживающаго пониманіе общаго смысла ихъ, а относительно обученія церковно-славянскому чтенію въ приготовительномъ классѣ сказано: „дѣти должны приобрѣсть достаточно твердый навыкъ читать правильно, *съ соблюденіемъ вѣсѣхъ знаковъ* и проч., а слѣдовательно — выразительно. Тогда какъ въ объяснительной запискѣ къ дѣйствующей въ настоящее время программѣ по русскому и церковно-славянскому языку для штатныхъ классовъ духовныхъ училищъ сказано, чтобы учащіеся читали по церковно-славянски, „*соблюдал характеръ общепри- нятаго церковнаго чтенія, которое отличается простотою*

и не терпитъ пріемовъ, повышеній и пониженій голоса, свойственныхъ русскому выразительному чтенію.

Слѣдовательно, здѣсь уже требуется чтеніе противоположное указанному въ предыдущей объяснительной запискѣ, потому что, какъ извѣстно, едва ли не повсемѣстно, общепринятое теперь церковное чтеніе, не имѣя ничего общаго съ выразительнымъ русскимъ чтеніемъ, въ то же время, очевидно, чуждо и всѣхъ качествъ разумнаго церковнаго чтенія.

Такое несоблюденіе единства въ требованіяхъ относительно обученія церковно-славянскому чтенію въ духовныхъ училищахъ породило, такъ сказать, расколъ въ этомъ дѣлѣ. Одни изъ ищущихъ отношеніе къ этому дѣлу, основываясь на вышеупомянутыхъ словахъ послѣдней записки, отрицаютъ необходимость соблюденія при церковно-славянскомъ чтеніи знаковъ препинанія, а потому дѣлаютъ остановки при чтеніи не по знакамъ книги, а тамъ, гдѣ не хватаетъ духу, или же — послѣ каждаго слова, когда хотять быть отчетливыми и, что называется, отчеканиваютъ каждое слово, дѣлая такимъ образомъ изъ чтенія ничто иное, какъ счетъ словъ, или какую-то перекличку. Достиженіе наибольшей (безобразной) бѣглости и монотонности церковно-славянскаго чтенія, по ихъ мнѣнію, должно составлять, такъ сказать, суть обученія ему, потому что такое чтеніе теперь общепринято въ нашихъ церквахъ — такъ читаютъ въ настоящее время чтенцы церковные — псаломщики и монастырскіе послушники, а они-то, согласно словамъ той же послѣдней записки, должны быть образцами для духовно-учебныхъ заведеній въ дѣлѣ обученія церковно-славянскому чтенію. Словомъ, по ихъ понятію, образцомъ совершенства должно быть такое церковно-славянское чтеніе, которое, справедливо, было доселѣ образцомъ безобразія, обученіе которому не вуждается въ педагогическихъ пріемахъ учителей духовныхъ училищъ. Другіе, напротивъ, призываютъ, что никто иной, какъ только духовно-учебныя заведенія должны быть расадниками образцоваго церковно-славянскаго чтенія, а не подражателями псаломщикамъ и монастырскимъ послушникамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, или неучи, или недоучки, потому и самое чтеніе должно быть не иное, какъ только

разумное, т. е. съ одной стороны—повятное читающимъ и про-
никнутое его молитвеннымъ настроеніемъ, а съ другой—способное
облегчить пониманіе читаемаго слушателямъ и молитвенно настроить
и ихъ, а это послѣднее только и возможно при соблюденіи, кромѣ
прочаго, всѣхъ знаковъ препинанія и не только слоговыхъ, но и
логическихъ удареній, словомъ—при выразительномъ чтеніи. Пре-
пятствій къ обученію такому чтенію въ духовныхъ училищахъ, по
ихъ мнѣнію, не должно быть. потому что въ той же послѣдней
объяснительной запискѣ по русскому и церковно-славянскому языку
для штатныхъ классовъ требуется, чтобы учащіеся не только „освои-
лись“, но „даже сроднились съ языкомъ нашего богослуженія
и священныхъ книгъ“; не только „достигли бы полной свободы
пониманія словъ и выраженій славянскаго языка и усвоенія
его грамматическихъ формъ“, но и „свободно, безъ затрудне-
нія понимали церковно-славянскія книги и даже духъ и кра-
соту церковнаго языка“. При такой постановкѣ въ духовныхъ
училищахъ обученія церковно-славянскому языку, говорятъ они
дальше, совершенно уместно и даже естественно быть въ нихъ и
разумному чтенію на этомъ языкѣ, какъ внѣшнему признаку и
лучшему выразителю пониманія чтеномъ читаемаго имъ текста, а
главное—какъ незамѣнимому средству къ облегченію слушателямъ
понимать (конечно, въ доступныхъ мѣстахъ) смыслъ читаемаго. На-
конецъ, утверждаютъ они, при большой близости церковно-сла-
вянскаго языка съ русскимъ, отучиванію учениковъ духовныхъ учи-
лищъ отъ выразительнаго церковнаго чтенія непрежѣдно и значи-
тельно повредитъ выразительности чтенія по-русски. Таковы изъ
числа существующихъ извѣстные намъ два взгляда на обученіе въ
духовныхъ училищахъ церковно-славянскому чтенію, какъ плодъ
недоразумѣній, вызванныхъ несоблюденіемъ единства по этому пред-
мету въ вышеупомянутыхъ двухъ объяснительныхъ запискахъ.

Какъ бы въ разъясненіе этихъ и имъ подобныхъ недоразу-
мѣній послѣдовалъ въ 1888 году циркуляръ по духовно-учеб-
ному вѣдомству за № 3, въ которомъ, для свѣдѣнія и руко-
водства преподавателямъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ,
въ числѣ прочихъ соображеній по вопросу о надлежащей поста-

новкъ преподаванія этихъ предметовъ и о средствахъ къ устраненію недостатковъ въ дѣлѣ обученія имъ, имѣются соображенія, относящіяся исключительно къ церковно-славянскому чтенію, а, собственно о качествахъ хорошаго церковнаго чтенія въ этомъ циркулярѣ говорится: „Первую стадію хорошаго церковнаго чтенія составляетъ *правильность*. Учащіеся должны произносить вѣрно, ясно и отчетливо каждый звукъ въ словѣ, безъ смягченій, свойственныхъ русскому языку, твердо, безъ запинокъ. Особенное вниманіе учителя должны обратить на ударенія, которыя въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ часто не совпадаютъ и потому неопытными чтецами часто дѣлаются невѣрно. Такъ вмѣсто сѣи часто говорятъ сѣи; вмѣсто между собою — мѣжду собою; вмѣсто страждѹ (Тим. I, 12) — стрѣждѹ; вмѣсто наложитѹ (Апок. XXII, 18) — налѣжитѹ; вмѣсто даеѹ (Римл. XIII, 6) — даѹте; вмѣсто зѣидеть (Еф. IV, 26) — зайдѣтъ; вмѣсто даровѣнная (I Кор. II, 12) — дарѣванная; вмѣсто ѡвлѣни ѣсьмы (II, Кор. V, 11) — ѡвлѣны есьмы; вмѣсто четѣѹ (2 Кор. I, 13) — чѣѹте и т. п. Такое нестрое чтеніе, полу-русское, полу-славянское, является искаженіемъ церковнаго текста; а такое чтеніе, къ прискорбію, встрѣчается нынѣ нерѣдко. Вторую ступень составляетъ чтеніе *свободное*, умѣренной быстроты, или, какъ говорятъ, бѣглое, однако, не сливающее звуковъ до нераздѣльности, неясности произношенія ихъ. Что касается *сознательности*, то, строго говоря, чтеніе съ первыхъ же опытовъ должно быть всегда сознательнымъ. Но сознательность имѣетъ свои степени. На высшей степеніи она является разумѣніемъ не только смысла отдѣльныхъ словъ и рѣченій, но и общей мысли и духа читаемаго. Глубина и всеобъемлемость церковнаго чтенія такова, что въ немъ есть доступное и младенцамъ и постигаемое мудрецомъ, а есть и превосходящее умъ человѣческій, воспринимаемое вѣрою. *Молитвенное настроеніе* читающаго дѣлаетъ самое чтеніе трогательнымъ, умиленнымъ, возвышающимъ душу слушателей. Безъ этого настроенія чтеніе церковное является механическимъ и безжизненнымъ, какими бы чтецъ ни обладалъ внѣшними качествами

чтенія ¹⁾. Церковное чтеніе должно воспитывать религиозное чувство, а это послѣднее должно проникать самое чтеніе, слѣдуетъ поэтому учить такъ дѣтей, чтобы они — чтуно молилися и молящися читали; ибо церковное чтеніе есть та же молитва. Объ *интонаціи* въ церковномъ чтеніи надлежитъ забыть, что она должна быть проста, безыскусственна и запечатлѣна важностію. Всѣ приемы выразительнаго свѣтскаго чтенія къ ней неприѣмны. Искусственное растяженіе звуковъ, внезапныя перерывы, пониженіе голоса до шепота и затѣмъ возвышеніе его до крика, усиленныя восклицанія и вообще всякая игра голосомъ, присущая художественной театральной декламациі, не должны имѣть мѣста въ церковномъ чтеніи, которое въ сущности представляетъ запечатлѣнный глубокою древностію мелодическій речитативъ спокойнаго возвышеннаго характера, родственныи по духу съ возгласами и пѣніемъ ликовъ, въ соединеніи съ которыми оно и составляетъ одно прекрасное и величественное цѣлое. — Таковы должны быть качества хорошаго церковнаго чтенія по этому, такъ сказать, официальному взгляду.

Думаемъ, что не умалимъ достоинствъ въ этомъ трактатѣ циркуляра о качествахъ церковнаго чтенія, если скажемъ, что и эта новая попытка удобопонятно нисъменно изложить характеристическія особенности церковнаго чтенія, подобно всѣмъ предшествовавшимъ попыткамъ несовершенна и составляетъ лишь подумѣру, а не радикальное средство къ устраненію различныхъ недоразумѣній и уклоненій, какъ вообще относительно подлежащей постановки церковно-славянскаго чтенія въ духовныхъ училищахъ, такъ — особенно относительно интонаціи при немъ, которая-то и составляетъ главный камень преткновенія въ вопросѣ о подлежащемъ церковномъ чтеніи, — ибо, по словамъ того же циркуляра, „*церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы*“. Правда, въ виду этого, т. е. за не-

¹⁾ Равно какъ, скажемъ отъ себя, не искусное чтеніе, т. е. не отличающееся вышннми качествами, и при молитвенномъ настроеніи чтеца не можетъ быть трогательнымъ и умилительнымъ *Давт.*

возможностью достичь цели только лишь письменно, циркуляръ рекомендуетъ учителямъ духовныхъ училищъ руководиться также, при обученіи учащихъ церковно-славянскому чтенію, кромя изложеннаго въ немъ, и *преданіями церковной практики*“. Но, за рѣдкостью въ настоящее время хорошихъ церковныхъ чтеневъ, возлагая на духовныя училища обязанность „*возстановить добрыя преданія старой духовной школы*“, онъ, вмѣстѣ съ этимъ, добавляетъ къ существующимъ недоразумѣніямъ новыя, а именно: первое—какую старую духовную школу слѣдуетъ здѣсь разумѣть? второе — если здѣсь разумѣются духовныя училища, то какого именно періода ихъ существованія? третье — если желательно чтобы духовныя училища возстановили „*добрыя преданія старой духовной школы*“ въ болѣе обширномъ значеніи, т. е. возстановили бы вообще прототипъ древняго церковнаго чтенія, но сохранившимся въ церковной практикѣ, какъ рѣдкость образцамъ, — то всѣмъ ли училищамъ будетъ носильной задача отыскать эти образцы, а выборъ и опѣнка ихъ не будутъ ли служить доводомъ къ новымъ недоразумѣніямъ и даже пререканіямъ въ училищахъ?

Въ виду необходимости устраненія всѣхъ этихъ, а также прежнихъ и впредь могущихъ быть, недоразумѣній, и вообще въ виду болѣе вѣрнаго успѣха въ достиженіи цели — возстановить, при посредствѣ духовныхъ училищъ, въ возможной степени, искусство древняго церковнаго чтенія во всѣхъ его проявленіяхъ и сдѣлать его, по возможности, повсемѣстно однообразнымъ, не только въ общемъ, но и въ частностяхъ, — *за невозможностію достичь цели только лишь письменно, обязательно необходимо и практически ознакомить учителей духовныхъ училищъ съ искусствомъ надлежащаго церковнаго чтенія*. Чтобы, такимъ образомъ, на духовныхъ училищахъ лежала лишь одна учебная сторона возложенной на нихъ обязанности — обучать церковному чтенію по готовымъ даннымъ, а не и научная — самое добываніе необходимыхъ для обученія ему данныхъ, какъ требующая спеціальной предварительной подготовки, что, конечно, не можетъ и не должно входить въ кругъ обязанностей духовныхъ училищъ, какъ учрежденій не только учебныхъ, но и низшихъ, а не уче-

ныхъ. Словомъ, какъ, для восстановленія древнихъ церковныхъ напѣвовъ и удержанія ихъ отъ дальнѣйшаго искаженія, прежде понадобится научныя изслѣдованія, а потомъ уже распространеніе добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній, такъ, думаемъ, и въ данномъ случаѣ необходимо дѣйствовать: *прежде слѣдуетъ поручить известнымъ своею компетентностію знатокамъ древняго церковнаго чтенія розыскать лучшіе изъ сохранившихся образцовъ надлежащаго церковнаго чтенія и всесторонне изучитъ его по нимъ, а потомъ уже обязать ихъ обучить ему, также практически, и учителей духовныхъ училищъ, которые, въ свою очередь, обязаны учить тому же и учащимся.* Если дѣйствительно важно и необходимо восстановленіе древняго церковнаго чтенія со всѣми его, такъ сказать, деталями, и если дѣйствительно оно есть „искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы“, — то только лишь этимъ путемъ можно достигнуть цѣли. Въ противномъ случаѣ, все требованія относительно обученія надлежащему церковному чтенію въ духовныхъ училищахъ будутъ напрасны, останутся пустыми фразами, и дальнѣйшее искаженіе его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ неизбежно, а потому, во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній и пререканій въ училищахъ, лучше въ такомъ случаѣ допустить подраздѣленіе церковно-славянскаго чтенія на собственно церковное (не для употребленія въ классѣ) и классное, выразительное. Первому обучать кандидатовъ въ псаломщики практически и только лишь въ самыхъ церквяхъ, или же причетническихъ классахъ, — подъ руководствомъ образцовыхъ чтецовъ, а второму—въ классахъ духовныхъ училищъ, для учебныхъ цѣлей.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами о церковно-славянскомъ чтеніи въ духовныхъ училищахъ, считаемъ нужнымъ вкратцѣ выразить все наши желанія относительно этого предмета, на случай, если бы состоялся пересмотръ и исправленіе учебныхъ плановъ для приготовительныхъ классовъ, а именно: *первое* — желательно, чтобы духовнымъ училищамъ впредь была дана полная возможность обучать учащихся церковно-славянскому чтенію такъ, какъ то требуется отъ нихъ; *второе* — желательно имѣть для пригото-

вительныхъ классовъ подробную программу матеріала для чтенія по церковно-славянски и избранникъ наименованныхъ въ ней мѣстъ священо-историческихъ событій ветхаго и новаго завѣта и проч., что войдетъ въ нее. Удовлетвореніе этихъ желаній устранило бы вредныя по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣнія, теперь часто возникающія въ училищахъ, то изъ-за самаго чтенія не надлежащаго качества, то изъ-за качества матеріала для чтенія, то изъ-за количества его. Кроме того, намъ кажется, что положительно недостаточно одного недѣльнаго урока на чтеніе по церковно-славянски въ приготовительныхъ классахъ, тѣмъ болѣе—при отсутствіи всякаго требованія отъ поступающихъ въ эти классы дѣтей какой-либо предварительной подготовки по этому предмету, а также находимъ неудобнымъ причислять баллъ за церковно-славянское чтеніе къ балламъ за отвѣты по закону Божію, въ виду нерѣдкаго контраста въ отвѣтахъ учащихся по тому и другому предмету. Поэтому желательно, *въ-третьихъ*, увеличить число уроковъ по церковно-славянскому чтенію въ приготовительныхъ классахъ — или же восполнить этотъ недостатокъ предъявленіемъ соответственныхъ требованій къ поступающимъ въ эти классы, что было бы еще удобнѣе, при сомнительной возможности сдѣлать первое безъ ущерба другимъ предметамъ; а также, *въ-четвертыхъ*, желательно придать балламъ за отвѣты по церковно-славянскому чтенію самостоятельное значеніе и опредѣлить ихъ мѣсто въ ряду балловъ по другимъ предметамъ.

2. Неудобства преподаванія элементовъ русской грамматики, при чтеніи по книгѣ избранныхъ статей, и о руководствѣ для учениковъ приготовительныхъ классовъ по этому предмету.

Согласно объяснительной запискѣ къ программѣ по русскому языку для приготовительныхъ классовъ духовныхъ училищъ, *„ознакомленіе учащихся въ этихъ классахъ съ элементами грамматики родного языка должно дѣлаться практически, при чтеніи избранныхъ статей по книгѣ для чтенія“*.

По нашему мнѣнію, такое практическое преподаваніе на этой первой ступени изученія русской грамматики сопряжено съ большими

неудобствами: различныя грамматическія упражненія дѣлають чтеніе не интереснымъ и безъ нужды отнимають много времени у него, въ ущербъ бѣглости, сознательности и выразительности его; тутъ уже и при всемъ усердіи и опытности учителя трудно соблюсти порядокъ — постепенный переходъ отъ легкаго къ трудному, отъ известнаго къ неизвѣстному; кромя того, при преподаваніи основъ русской грамматики совмѣстно съ чтеніемъ по книгѣ не можетъ быть достаточно необходимаго матеріала для закрѣпленія выясненнаго, а потому усвоеніе изучаемаго бываетъ несравненно медленнѣе, тяжелѣе и далеко не такъ прочно, какъ при упражненіи учащихся на матеріалѣ, цѣлесообразно подобранномъ, который, говоря правду, и въ дальнѣйшемъ обученіи (не только дѣтей старшаго возраста, но даже и молодыхъ людей высшихъ учебныхъ заведеній) признается важнымъ для большаго успѣха учащихся; наконецъ, самое главное неудобство нонутнаго изученія элементовъ русской грамматики заключается въ томъ, что такое преподаваніе дѣлаеть положительнo невозможными, безспорно необходимыми и ничѣмъ незамѣнимыми, самостоятельныя занятія учащихся по этому предмету, какъ во время ученія, такъ, тѣмъ болѣе, при повтореніи преподаваемаго, — это послѣднее столь важное неудобство, конечно, не можетъ быть устранено и въ томъ случаѣ, когда учитель будетъ имѣть полную возможность располагать лучшими пособіями къ преподаванію и вполне пригоднымъ для выясненія матеріаломъ, а въ рукахъ учениковъ не будетъ цѣлесообразно составленнаго руководства. Справедливость требуетъ сказать также, что отсутствіе руководства къ изученію въ подготовительномъ классѣ элементарной грамматики многихъ лишаетъ возможности готовить своихъ дѣтей къ поступленію въ 1-й классъ училища, минуя подготовительный, и, кромя того, въ случаяхъ справокъ родителей, опекуновъ, ренетиторовъ и проч. о принятомъ для подготовительнаго класса руководствѣ по этому предмету, отрицательный отвѣтъ, что такого руководства не существуетъ, обыкновенно, объясняется или страннымъ желаніемъ училища не дать имъ возможности самимъ готовить дѣтей къ поступленію ихъ въ 1-й классъ училища.

Таковыя неудобства изученія въ подготовительномъ классѣ эле-

ментовъ русской грамматики, при чтеніи по книгѣ, а не по особому руководству по этому предмету.

Намъ могутъ возразить, что руководство не поможетъ дѣлу. Въ доказательство справедливости этого возраженія, могутъ сослаться на штатные классы, въ которыхъ всегда имѣлись руководства по русскому языку, а успѣхи въ нихъ по этому предмету всегда были не только не блестящи, но и гораздо ниже успѣховъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ, чему доказательства имѣются въ ревизорскихъ отчетахъ и въ многочисленныхъ, какъ ни по одному изъ другихъ предметовъ, циркулярахъ учебнаго комитета по сему предмету. Признавая недостаточные успѣхи учащихся въ штатныхъ классахъ неопровержимымъ фактомъ, мы убѣждены, что самой главной причиной тому, такъ сказать, корнемъ зла всегда были и теперь служатъ неудовлетворительныя руководства, которыя не всегда заключаютъ въ себѣ все необходимое, а также, если и бываютъ пригодны, то, во всякомъ случаѣ, скорѣе какъ конспекты для повторенія теоріи русской грамматики, чѣмъ для практическаго выясненія изучаемаго, а для закрѣпленія и особенно применія преподаннаго и положительно негодны. Таково было краткое руководство Востокова, какъ пригодное лишь для безтолковаго долбленія, за отсутствіемъ всякаго матеріала для практическаго изученія грамматики русскаго языка. Сѣмившая его, грамматика Киричникова была на столько чужда программы для духовныхъ училищъ, что едва ли не большую часть грамматическихъ свѣдѣній, особенно синтаксическихъ, приходилось пополнять по другимъ руководствамъ, напр., по Говорову и проч.; но, будучи съ нѣкоторымъ матеріаломъ для практическихъ упражненій (правда—недостаточнымъ и неудачнымъ) и изложена вполне удобопонятно, эта грамматика давала учащимся все, что могла. Совершенно противоположностью этому руководству, конечно, не съ научной стороны, а какъ руководство для учащихся въ низшемъ учебномъ заведеніи, была грамматика Перевлѣскаго, которая, хотя и заключала въ себѣ даже больше свѣдѣній, чѣмъ сколько ихъ нужно было для духовныхъ училищъ, но еще менѣе была полезна для учащихся, чѣмъ предыдущая грамматика. Благодаря совершенно неудобопонятному для дѣтскаго

возраста изложенію ея, не составляли рѣдкости въ бытность ея руководствомъ для учащихъ, даже на урокахъ лучшихъ учителей, такіе случаи, когда учащіеся отвѣчали зазубренное изъ нея буквально, ничего не понимая изъ своихъ философскихъ отвѣтовъ, или же, хотя и собственными словами, но безтолково, въ извращенномъ видѣ, особенно при повтореніи преподаннаго. Что касается хрестоматіи того же автора, какъ матеріала для практическихъ занятій, то и она отличается тѣмъ же: статьи ея трудны по содержанию, какъ преимущественно научныя, и чрезмѣрно велики по объему, пригодны не столько для практическаго изученія русской грамматики, сколько при занятіяхъ естественными и другими науками. Отыскивать въ такихъ статьяхъ необходимыя грамматическіе примѣры не легко, такъ какъ они часто составляютъ въ нихъ тоже, что капля въ морѣ. Словомъ, при несомнѣнномъ богатствѣ своего содержанія, это руководство слишкомъ мало давало учащимся изъ того, что оно имѣло. Практикуемое теперь въ духовныхъ училищахъ руководство для учащихъ по русскому языку В. Миропольскаго, хотя и болѣе другихъ приспособлено къ программѣ духовныхъ училищъ и удобопонятнѣе предыдущаго, но все жъ не можетъ соответствовать своему назначенію, не заключая въ себѣ важнаго при изученіи грамматики—матеріала для пракческаго усвоенія изучаемаго и примѣненія преподаннаго. Понятно, что такія и имъ подобныя руководства положительно не могутъ благопріятствовать усилѣнному, главное же—основательному изученію по нимъ русской грамматики, въ объемѣ курса духовныхъ училищъ, а слѣдовательно и не могутъ достигать своей цѣли и вообще соответствовать своему назначенію. Для сравненія, перейдемъ къ практикуемымъ теперь въ духовныхъ училищахъ руководствамъ по древнимъ языкамъ. Извѣстно, что съ введеніемъ въ духовныхъ училищахъ, въ качествѣ руководствъ по этимъ языкамъ, грамматикъ Смирнова и Носова (составленная по Кюперу), успѣхи учащихъ по этимъ двумъ предметамъ стали не только основательнѣе прежняго, но и выше, чѣмъ, напр., по русскому языку, конечно, за рѣдкими исключеніями, зависящими отъ качествъ учителей и другихъ причинъ. Такое явленіе, по нашему мнѣнію, только и можно объяснить тѣмъ, что

указанія выше руководства по древнимъ языкамъ составлены на столько цѣлесообразно, со стороны постепенности и практичности, (на сколько мы имѣли возможность убѣдиться въ томъ), что отчасти могутъ служить образцомъ для составителей практической русской грамматики, какъ руководства для учащихся. Жаль только, что отсутствіе подробныхъ программъ по этимъ предметамъ затрудняетъ усовершенствованіе этихъ руководствъ.

Въ оправданіе пригодности руководствъ по русскому языку въ ихъ настоящемъ видѣ, намъ могутъ сказать, что они предназначаются не для самообученія, а для занятій по нимъ подъ руководствомъ учителей, которые и обязаны восполнять все недостающее въ нихъ безъ ущерба дѣлу. Противъ восполненія учителями того, что не предусмотрено составителями руководства, какъ неизбѣжной необходимости, нельзя ничего сказать. Мы не можемъ лишь согласиться въ случаяхъ умышленныхъ пропусковъ въ руководствахъ того, безъ чего невозможно разумное изученіе русской грамматики. Такъ, напр., умышленно опускать въ руководствахъ и возлагать исключительно на обязанность преподавателя подборъ матеріала для практическаго изученія русской грамматики, какъ показалъ истинный опытъ, неосновательно и вредно для дѣла: учителю труднѣе соблюсти, при выборѣ матеріала для практическихъ занятій, постепенность въ обученіи, чѣмъ составителю руководства, а также не всё учителя, а главное — не всегда имѣютъ возможность пользоваться необходимыми пособіями, или за недостаткомъ ихъ, или за недостаткомъ (напр., въ случаяхъ исправленія печаточисленныхъ письменныхъ ученическихъ работъ), или за усталостью отъ классныхъ трудовъ, или за болѣзнію, или, наконецъ, за небрежностію и за другими многоразличными случайными причинами. Всё эти неизбѣжныя въ практикѣ причины не были бы чувствительно вредными для дѣла, если бы все необходимое для каждаго урока находилось въ одной книгѣ для учащихся, что тѣмъ болѣе желательно, что, напр., и самый лучшій матеріалъ для практическаго изученія грамматики, аккуратно подбираемый учителемъ, хотя бы и въ достаточномъ количествѣ, не можетъ сослужить такую службу дѣлу ни при закрѣпленіи только преподаваемаго, ни тѣмъ болѣе при пов-

тореніи всего пройденнаго, какъ тотъ матеріалъ, который постоянно имѣется въ полномъ распоряженіи учащихся.

Итакъ, цѣлесообразное руководство въ дѣлѣ обученія незамѣнимо, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ: при хорошемъ руководствѣ и недостатки учителя бывають менѣе вредны, а при отсутствіи его и дѣльный учитель не принесетъ надлежащей пользы; какъ справедливо то, что никакое руководство не можетъ замѣнить въ классѣ учителя, такъ не менѣе справедливо и то, что учитель не только не можетъ замѣнить собою учебнаго руководства, но даже не можетъ восполнить всѣхъ недостатковъ его.

Наконѣнь, возражая далѣе, намъ могутъ сказать, что ученики приготовительнаго класса еще не приготовлены къ разумному пользованію руководствомъ по русскому языку. Если это вѣрно, то тѣмъ болѣе оно для нихъ необходимо, чтобы учащіеся этого класса имѣли полную возможность перейти готовыми къ тому въ первый классъ училища и тѣмъ могли вынолнить одну изъ задачъ приготовительнаго класса, которая состоитъ въ томъ, чтобы „научить мальчуга, какъ надо учить урокъ, какъ выученное отвѣчать, какъ обращаться съ учебными пособиями, какъ пользоваться учебниками, дабы совершенно и навсегда предотвратить механическое замятованіе уроковъ“. (Объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ, общія педагогическія замѣчанія, пунктъ 3-й, литера Г.). Кромѣ того, если не признается преждевременнымъ сообщеніе учащимся приготовительнаго класса, при посредствѣ учителя, грамматическихъ понятій, то едвали есть основаніе думать о неспособности ихъ понимать цѣлесообразно составленное для нихъ руководство и разумно пользоваться имъ, при помощи же учителя. Наконецъ, если не признается неумѣстнымъ давать въ руки учащихся въ приготовительномъ классѣ, напр., арифметическій задачникъ и руководство къ изученію закона Божія, то почему же не признать также умѣстность элементарной грамматики русскаго языка, въ качествѣ руководства для нихъ?

Чѣмъ же можно объяснить, что, не смотря на все это, до сихъ поръ не имѣется цѣлесообразно составленнаго руководства по русскому языку для учениковъ приготовительнаго класса? Съ своей

стороны признаемъ единственнымъ и вполне естественнымъ препятствіемъ къ составленію такого руководства отсутствіе подробностей въ программѣ грамматическихъ свѣдѣній, для приготовительнаго класса (о которой будетъ рѣчь впереди), — только этиъ можно объяснить отсутствіе даже попытокъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ виду этой причины и другихъ, которыя будутъ поименованы нами въ своемъ мѣстѣ, въ программу грамматическихъ свѣдѣній по русскому языку для приготовительнаго класса, надѣемся, будутъ въ непродолжительномъ времени внесены всѣ теперь недостающія въ ней подробности, слѣдовательно, явится полная возможность къ составленію столь необходимаго руководства для учащихся въ приготовительномъ классѣ, а потому считаемъ не лишнимъ и своевременнымъ высказать здѣсь, хотя приблизительно, слѣдующій свой взглядъ на него.

Руководство для учащихся въ приготовительномъ классѣ должно обнимать собою весь курсъ словесныхъ и письменныхъ упражненій по программѣ русскаго языка для этого класса. Какъ предназначенное для учащихся самаго младшаго возраста, оно должно отличаться особенно строгою постепенностію расположенія учебнаго матеріала, т. е. во всѣхъ случаяхъ должны быть соблюдены переходы отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; кромѣ того, оно должно быть вполне пригоднымъ для практическаго изученія по нему положенныхъ программой приготовительнаго класса грамматическихъ свѣдѣній, при помощи различныхъ цѣлесообразныхъ примѣровъ и задачъ, которыхъ въ немъ должно быть вполне достаточно: а) для выясненія предположеннаго къ изученію, б) для усвоенія преподаннаго и в) для прирѣненія усвоеннаго. Прежде должны помѣщаться, каждый разъ, такіе примѣры и задачи, которыя относились бы прямо къ изученію данной новой грамматической ступени; при этомъ желательно возможно большее разнообразіе упражненій, направленныхъ къ выясненію и закрѣпленію каждой изучаемой ступени, чтобы устранить безплодную механическую работу учащихся надъ излишнимъ количествомъ однообразныхъ примѣровъ и задачъ и тѣмъ дать имъ возможность заинтересоваться изучаемымъ, остановиться на данной ступени до тѣхъ

норъ, пока изучаемое не будетъ достаточно усвоено и, такимъ образомъ, избѣжать необходимости преждевременно со скуки пере-скакивать къ изученію слѣдующей ступени учебнаго матеріала программы. Потомъ, должны слѣдовать смѣшанные примѣры и задачи, для повторенія и окончательнаго усвоенія нѣсколькихъ прежде пройденныхъ грамматическихъ понятій, или орфографическихъ правилъ, или, наконецъ, цѣлаго извѣстнаго отдѣла. Всѣ примѣры и задачи должны дѣлиться на годные для упражненія на нихъ учащихъ въ классѣ, при помощи учителя, и годные для вполне самостоятельнаго выполненія ихъ. По своему содержанію примѣры должны быть столь просты, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ своихъ, т. е.—выраженія ихъ и слова ихъ, чтобы легко были понимаемы учащимися безъ помощи учителя, а, слѣдовательно, не отнимали бы у него дорогого времени на малополезныя и не относящіяся къ дѣлу занятія, какъ это перѣдко бываетъ при примѣрахъ—пословицахъ, смыслъ которыхъ далеко не всегда бываетъ понятенъ и самому учителю. Чѣмъ труднѣе для пониманія или усвоенія и сравнительно съ другимъ важнѣе сообщаемое, тѣмъ большее количество примѣровъ должно быть въ такихъ случаяхъ. Всѣ вопросы и задачи должны отличаться въ руководствѣ опредѣленностію и, сколь возможно, ясно выражены. Примѣчаній и разъясненій въ немъ должно быть столько, сколько ихъ необходимо для того, чтобы, при примѣненіи его къ дѣлу все въ немъ было правильно понято. — Въ заключеніе всего къ руководству долженъ быть приложенъ конспектъ, для самостоятельнаго повторенія по нему учащимися всего курса грамматическихъ свѣдѣній.

Намъ могутъ сказать, что при такомъ руководствѣ, совмѣщающемъ въ себѣ все, что только необходимо для усвоенія его, учителю нечего будетъ дѣлать въ классѣ, что роль его тогда будетъ лишь механическая, или, что это еще больше повредитъ уснѣхамъ учащихся. На это возраженіе или, вѣрнѣе, сомнѣніе отвѣтимъ кратко: нужно не имѣть никакого представленія о разумныхъ классныхъ занятіяхъ въ низшемъ учебномъ заведеніи, а тѣмъ болѣе въ подготовительномъ классѣ его, чтобы не звать сколько вниманія и напряженной дѣятельности потребуетъ отъ учителя и при

проектируемомъ нами руководствѣ для учащихся. Разница при этомъ будетъ та, что трудъ учителя сдѣлается болѣе посильнымъ для него, и, безъ сомнѣнія, будетъ гораздо плодотворнѣе прежняго, а главное—при несравненно меньшей, чѣмъ теперь, тратѣ времени и здоровья, не только учителя, но и учащихся.

3. Неудобства общей программы грамматическихъ свѣдѣній по русскому языку для подготовительнаго класса и необходимость внесенія въ нее всѣхъ недостающихъ въ ней подробностей.

Согласно программѣ по русскому языку, въ число прочихъ занятій въ подготовительномъ классѣ по этому предмету входятъ слѣдующія грамматическія занятія: „Ознакомленіе учащихся съ предложеніемъ и главными его частями, а также съ измѣняемыми частями рѣчи, и практическое ознакомленіе съ *главнѣйшими формами* измѣненій словъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ“. „Умѣе писать подъ диктовку, съ соблюденіемъ *простѣйшихъ и наиболее употребительныхъ* правилъ правописанія, а равно и знаковъ препинанія, усвояемыхъ учениками практически“.

Къ этимъ двумъ пунктамъ программы имѣются, кромя методическихъ, слѣдующія поясненія: 1) „Достаточно будетъ, если ученики научатся различать одну часть рѣчи отъ другой, провести слово по надежнымъ окончаніямъ, различить родъ именъ и про-спрягать глаголь по основнымъ формамъ, различая только времена глаголовъ“: 2) „Сначала ученики пріучаются писать правильно слова по слуху, ясно и отчетливо различая въ словахъ отдѣльные звуки, а затѣмъ ученикамъ сообщаются и *нѣкоторыя необходимыя* правила правописанія, каковы сбъ употребленіи буквы ѣ въ дательномъ и предложномъ падежахъ, обь употребленіи ЫЕ и ІЯ въ прилагательныхъ, ѢЕ и Е въ сравненіи и т. п.“.

Не смотря на эти поясненія, все же программа грамматическихъ свѣдѣній для подготовительнаго класса слишкомъ обща, особенно второй отдѣлъ ея — правописаніе. Опущены частности программы, конечно, не случайно, а нахѣренно — съ цѣлю не стѣснить учителя въ примѣненіи ихъ на практикѣ, подобно тому, какъ это имѣлось въ виду при изложеніи, въ руководство учителю

приготовительнаго класса, общих педагогических замѣчаній, въ заключеніе которыхъ сказано: „изложенныя выше замѣчанія не имѣютъ цѣли стѣснить учителя; послѣднему предоставляется должная свобода въ развитіи частныхъ практическаго примѣненія общихъ основаній обученія и дисциплины учащихся; но только добросовѣстное и усердное выполненіе своихъ обязанностей можетъ вполне обеспечить успѣхъ (Объ устройствѣ подготовительныхъ классовъ. В. Общія педагогическія замѣчанія). Если это наше предположеніе вѣрно, то учитель подготовительнаго класса, повидимому, одинъ изъ счастливыхъ между учителями духовныхъ училищъ, ибо ему предоставляется право развивать частности программы—качество (опредѣлять легкость и трудность) и количество ихъ—сообразно обстоятельствамъ. А что можетъ быть пріятнѣе для учителя не педанта, но педагога въ лучшемъ значеніи этого слова, какъ только не быть вынужденнымъ, завѣдомо насильно, начинать своихъ учениковъ различными неносильными для нихъ свѣдѣніями?! Все это дѣйствительно было бы такъ, а не повидимому только, какъ мы сказали, если бы, предоставляя учителю подготовительнаго класса право развивать частности программы сообразно обстоятельствамъ, сдѣлали его, кромя того, и такимъ полномочнымъ господиномъ въ классѣ, какимъ бываетъ учитель-отецъ въ домашнемъ обученіи своего дитяти, т. е., чтобы онъ не былъ обязаннымъ давать кому бы то ни было отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ сожалѣнію, такое неограниченное положеніе учителя подготовительнаго класса еще не имѣетъ мѣста въ духовныхъ училищахъ и весьма мало мыслимо для насъ даже въ будущемъ, хотя бы и въ качествѣ средства избѣжать завѣдомаго умственнаго переутомленія учащихся, очевидно, неизбежнаго при современной намъ системѣ обученія, принятой въ училищахъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, программа, безъ обозначенія всѣхъ частныхъ ея, въ настоящее время не только не облегчаетъ учителя, а, напротивъ, еще больше стѣсняетъ его. Такъ, напр., нѣкоторыя (нами подчеркнутыя) выраженія ея даютъ просторъ различнымъ недоразумѣніямъ между учителемъ подготовительнаго класса, сослуживцами его, училищнымъ начальствомъ, рѣ-

дителями и опекунами учащихся и репетиторами послѣднихъ. При чемъ учитель приготовительнаго класса, какъ исполнитель программы, часто бываетъ безъ вины виноватымъ въ неточномъ выполненіи ея: то въ произвольномъ сокращеніи, то въ такомъ же превышеніи имъ ея требованій. Родители, опекуны и репетиторы учениковъ неуспѣвающихъ почти всегда объясняютъ причину малоуспѣшности ихъ произвольнымъ расширеніемъ программы приготовительнаго класса, тогда какъ другіе, имѣющіе лучшихъ учениковъ, обвиняютъ учителя приготовительнаго класса въ обратномъ— произвольномъ сокращеніи программы. Что касается, собственно, училищнаго контроля надъ приготовительнымъ классомъ, то и здѣсь такое же разнорѣчіе во взглядахъ на подробности программы—явленіе обыкновенное: что одинъ изъ нихъ признаетъ существенно необходимымъ для приготовительнаго класса, то другой отрицаетъ; одинъ желалъ бы обращать особое вниманіе въ приготовительномъ классѣ на одно, другой на другое, третій на третье и т. д. Такъ, напр., по отношенію къ орфографіи одинъ изъ нихъ признаетъ достойнымъ особаго вниманія, при изученіи ея въ приготовительномъ классѣ, правописаніе буквъ послѣ шипящихъ и гортанныхъ; другой—распознаваніе сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ; третій—правописаніе словъ съ буквою Ъ въ корнѣ ихъ; четвертый—правописаніе словъ, основанное на измѣненіи ихъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; пятый желалъ бы, кромѣ поименованнаго въ программѣ, ограничиваться правописаніемъ по слуху и механическимъ списываніемъ съ книги и проч. и проч. То же разнорѣчіе существуетъ и по отношенію къ остальной части программы грамматическихъ свѣдѣній. При этомъ нужно замѣтить, что не только съ каждой свѣдой лицъ, имѣющихъ право контроля надъ приготовительнымъ классомъ, являются новыя взгляды на частности общей программы приготовительнаго класса, а вмѣстѣ и новыя недоразумѣнія, но бываютъ и такіе случаи, когда, или по легкомыслію, или по забывчивости, или по убѣжденію въ несостоятельности прежде высказаннаго взгляда, отказываются отъ него, приписавъ его кому либо другому, конечно, чаще всего учителю приготовительнаго класса, а сами предъявляютъ новый взглядъ и уже не-

прежняно притязаніе къ тому же учителю. Ужь тутъ, и при всемъ своемъ желаніи, учитель приготовительнаго класса не можетъ угодить всѣмъ, не имѣя возможности предугадывать и предупреждать всѣ претензіи къ нему. Между тѣмъ, онъ вынужденъ бываетъ терпѣть изъ-за этого различныя непріятности, въ видѣ справедливыхъ и несправедливыхъ упрековъ и замѣчаній ему, какъ частныхъ, такъ и официальныхъ, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ, обыкновенно влекущихъ за собою болѣе или менѣе тяжкія для него послѣдствія, иногда даже различныя служебныя ограниченія и лишенія. Понятно, что, на ряду съ страданіями учителя, не меньше страдаетъ при этомъ и самое учебное дѣло, ибо учитель нерѣдко вынужденъ бываетъ, во избѣжаніе непріятностей, дѣлать ежегодно измѣненія въ подробностяхъ программы—однѣ изъ нихъ выпускать изъ нея, а другія вносить въ нее заново, соотвѣтственно перемѣнамъ въ предъявляемыхъ къ нему требованіяхъ, изображая собою, такимъ образомъ, подобіе флюгера, что, съ одной стороны, мѣшаетъ учителю въ работѣ надъ методической стороной учебнаго дѣла—надъ болѣе послѣдовательнымъ расположеніемъ изучаемаго, надъ изысканіемъ способовъ къ болѣе легкому, быстрому и прочному усвоенію его учащимися, а съ другой—служить иногда одною изъ причинъ умственного обремененія учащихся. Кромѣ того, слишкомъ сжатая программа, не опредѣляя точныхъ границъ между курсомъ приготовительнаго и перваго штатнаго классовъ, даетъ возможность учителямъ этихъ классовъ укрываться одному за другимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нетвердыхъ знаній учащихся и вообще при неточномъ выполненіи программы къмъ либо изъ нихъ. При такой постановкѣ дѣла не можетъ также быть сходенъ курсъ русскаго языка въ приготовительныхъ классахъ всѣхъ училищъ, а это особенно бываетъ вредно въ случаяхъ переходовъ учащихся изъ одного училища въ другое. Далѣе, программа приготовительнаго класса по русскому языку, будучи, такъ сказать, безъ деталей, не даетъ понятія о всѣхъ трудностяхъ при выполненіи ея, а слѣдовательно и о томъ, сколь велика задача приготовительнаго класса въ этомъ отношеніи, что нерѣдко бываетъ причиною неудовлетворительной

подготовки дѣтей, поступающихъ въ этотъ классъ. Затѣмъ, благодаря неточной программѣ, подготовка дѣтей, къ поступленію въ первый классъ училища, помимо приготовительнаго, бываетъ затруднительна—это съ одной стороны, а съ другой — она не можетъ быть сходной съ подготовкою дѣтей, перешедшихъ изъ приготовительнаго въ первый классъ училища, что лишить подготовку учениковъ перваго класса, а, слѣдовательно, не можетъ благоприятствовать успѣшному веденію дѣла въ немъ. Наконецъ, программа безъ подробностей составляетъ главную причину отсутствія руководства по русскому языку для приготовительнаго класса. Такъ называемое, соглашеніе учителей перваго и приготовительнаго класса относительно частностей программы, хотя бы и состоялось въ каждомъ училищѣ, конечно, не можетъ исполнѣть замѣнить въ этомъ случаѣ подробную программу учебнаго комитета при св. Синодѣ; ибо, имѣя силу лишь для училища, въ которомъ оно состоялось, не можетъ благоприятствовать появленію цѣлесообразнаго руководства, пригоднаго для приготовительныхъ классовъ всѣхъ духовныхъ училищъ, а, слѣдовательно, не можетъ устранить существующихъ теперь неудобствъ въ случаяхъ переходовъ учащихся изъ одного училища въ другое. Въ виду связи учебнаго курса приготовительнаго класса съ курсомъ прочихъ училищныхъ классовъ, полагаемъ, не будетъ съ нашей стороны, неумѣстнымъ здѣсь отступленіемъ не большой переходъ отъ частнаго къ общему — отъ программы по русскому языку въ приготовительномъ классѣ къ подобнымъ ей программамъ училищнаго курса вообще, т. е., если добавимъ сверхъ сказаннаго нами, что, вообще, программы, не заключающія въ себѣ всѣхъ подробностей бываютъ причинами случаевъ неравномѣрнаго распредѣленія учебнаго матеріала училищнаго курса по классамъ и жѣшавтъ соблюденію постепенности и послѣдовательности преподаванія, а также — распредѣленію учебнаго матеріала во всѣхъ классахъ училища не по отдѣламъ систематическаго порядка науки, какъ это практикуется теперь, а постепенно расширяющимися концентрическими кругами, выбирая для того подходящее каждому классу изъ всего училищнаго курса науки, чтобы, такимъ образомъ,

каждый училищный класс давалъ изъ нея учащимся вѣчто цѣльное, болѣе или менѣе законченное.

По нашему мнѣнію, достаточно имѣется данныхъ во всемъ сказанномъ нами по поводу программы для приготовительнаго класса по русскому языку, чтобы придти къ слѣдующему общему выводу: всякая программа учебнаго заведенія должна заключать въ себѣ все, что только цѣнно для дѣла, по мнѣнію ея составителя, чтобы все—выполненіе чего обязательно для исполнителя программы—было понятно въ ней не только одному составителю ея, но равно и исполнителю программы и контролирующимъ его, чтобы, такимъ образомъ, всѣ случаи неточнаго выполненія программы по всей справедливости были лишь зависящими отъ исполнителя ея, а въ противномъ случаѣ, учрежденіе, дающее неточную программу, должно отказаться отъ всякихъ претензій къ исполнителю ея. Между тѣмъ, какъ уже выше сказано, перѣдко бывають случаи, когда обвиняють учителя въ неточномъ выполненіи неточной программы, которую можно понимать и такъ и иначе, или когда и вовсе не имѣется никакихъ указаній, напр., говорить въ укоръ учителю: „читаются и заучиваются наизусть произведенія не образцовыя, недостойныя сохраненія въ дѣтской памяти“. Бывають при этомъ и случаи противрѣчія другъ другу—за что одинъ изъ контролирующихъ хвалить учителя, за то другой бранить его, и обратно. Такое разнорѣчіе контролирующихъ учителя, въ глазахъ однихъ, рождаетъ компетентность контроля, а по мнѣнію другихъ—это служитъ лишь доказательствомъ того, что правильное сужденіе о пригодности и непригодности произведеній для чтенія и заучиванія дѣтьми дѣло не легкое, а потому, если оно не всегда бываетъ безошибочно со стороны контролирующихъ учителя, то и ошибки контролируемыхъ въ этомъ отношеніи должны считаться явленіемъ естественнымъ и болѣе извинительнымъ для нихъ, чѣмъ первымъ.

Полагаемъ, что, въ виду всего сказаннаго нами, не покажется несообразнымъ и неосновательнымъ наше желаніе, чтобы при пересмотрѣ учебныхъ плановъ для приготовительнаго класса были внесены въ программу по русскому языку всѣ подробности до мелочей включительно—перечислены всѣ грамматическія понятія, всѣ

правила, все, что должно быть заучено наизусть и прочитано по книгѣ изъ одобренныхъ руководствъ и пособій¹⁾.

Намъ могутъ сказать, что подробности программы относятся къ приѣзженію ея, а потому должны составлять обязанность учителя и принадлежность руководства. Въ свою очередь, спросимъ: не можетъ ли быть при этомъ полная несоответствія другъ другу— программа сама по себѣ, учитель самъ по себѣ, и руководство само по себѣ, совершенно независимо другъ отъ друга, особенно если учитель и составитель программы и руководства не одно и тоже лицо? Не этили ли объясняются случаи вынужденнаго сокращенія учителями руководствъ, посредствомъ столь неудобныхъ во многихъ отношеніяхъ пресловутыхъ разѣтокъ въ нихъ, а также случаи приписокъ, дѣлаемыхъ учителями въ руководствахъ (разумеется при этомъ въ обоихъ случаяхъ не фразы только, а и цѣлыя вопросы)?

Кромѣ того, намъ могутъ сказать, что проектируемая нами программа—съ одной стороны—не въ обычай теперь, а съ другой—она въ такомъ видѣ иногда можетъ, пожалуй, имѣть большее сходство съ существующими теперь въ училищахъ руководствами, чѣмъ съ обычной программой, и, такимъ образомъ, не всегда будетъ вполне соответствовать своему названію, а потому уже лучше давать духовнымъ училищамъ такіа руководства, при которыхъ всякая программа была бы излишней. Допустимъ, что это вѣрно, но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы было основательно не перемѣнить къ лучшему обычая, а тѣмъ болѣе названія „программа“, если бы это понадобилось; наконецъ, точно также неосновательно думать, что отъ замѣны соответственными руководствами учебныхъ программъ пострадаетъ учебное дѣло въ училищахъ, ибо онѣ, правду говоря, болѣе нужны составителямъ руководствъ, чѣмъ при обученіи, исключая случаи, когда руководство вовсе не ишѣется и когда они не вполне отвѣчаютъ программамъ.

¹⁾ Весьма жедательно также, чтобы не было ничего недосказаннаго и въ прочихъ программахъ для приготовительнаго класса, въ виду несомнѣнной пользы отъ того учебному дѣлу, да и для другихъ училищныхъ классовъ нельзя не пожелать того же.

4. Письменные упражненія въ приготовительномъ классѣ по русскому языку:

Изъ элементарныхъ письменныхъ упражненій по русскому языку совершенно достаточно практиковать въ приготовительномъ классѣ только лишь тѣ виды ихъ, которые имѣютъ свою цѣлю усвоеніе основъ орфографіи (въ частности и по преимуществу) и другихъ свѣдѣній изъ русской грамматики, входящихъ въ программу этого класса. Эти письменные упражненія, съ одной стороны, доступны учащимся приготовительнаго класса съ первыхъ уроковъ ученія въ немъ, а съ другой, по свойству своему, требуютъ для достиженія своей цѣли частой и продолжительной практики вообще, а въ приготовительномъ классѣ, кромѣ того, не только предпочтительной передъ прочими видами письменныхъ упражненій, но и исключительной—въ виду разнообразія и обилія другой, не менѣе важной, работы въ этомъ классѣ по русскому языку, при ея новизнѣ для учащихся и краткости времени для выполненія, а особенно при, очевидно, недостаточныхъ требованіяхъ по русскому языку отъ поступающихъ въ приготовительный классъ и отсутствіи цѣлесообразнаго руководства по этому предмету для класснаго и самостоятельнаго упражненія учащихся, — словомъ, во избѣжаніе ущерба основательности знаній по русскому языку и вообще раціональному обученію по этому предмету.

Кромѣ этихъ причинъ, къ другимъ видамъ письменныхъ упражненій, поименованныхъ въ программахъ приготовительнаго класса, какъ составляющихъ уже первую ступень стилистическихъ упражненій, невозможно также приступить въ этомъ классѣ училища еще и по причинѣ недостаточнаго для выполненія ихъ развитія учащихся и неспособности большинства дѣтей этого возраста выражаться свободно и правильно, хотя бы и въ смыслѣ *сносно*; а равно по недостаточной у нихъ для того бѣглости въ письмѣ, за отсутствіемъ всякихъ требованій по этому предмету отъ поступающихъ въ приготовительный классъ; главное же—по невозможности приступить къ нимъ ранѣе усвоенія учащимися всего курса грамматическихъ свѣдѣній для приготовительнаго класса безъ того, что-

бы ученическія работы не переполнялись массой неизбежныхъ ошибокъ, предупрежденіе которыхъ немислимо въ такихъ упражненіяхъ. Наконецъ, что дѣйствительно эти послѣдніе виды письменныхъ упражненій непосильно трудны, а потому и преждевременны для приготовительнаго класса, свидѣтельствуетъ еще и то, что такія упражненія помѣщены въ концѣ списка письменныхъ упражненій новой программы по русскому языку для штатныхъ классовъ, въ пригѣчаніи къ которому сказано: *„изложенные виды устныхъ и письменныхъ упражненій расположены въ порядкѣ постепенной ихъ трудности для учащихся“*.

Поэтому, справедливо будетъ желать оставленія въ программѣ приготовительнаго класса только лишь первыхъ изъ упомянутыхъ нами видовъ письменныхъ упражненій и исключенія изъ нея особенно слѣдующихъ: 1) „Описаніе предметовъ, окружающихъ ученика“; 2) „Отысканіе сходства и различія въ предметахъ“ и 3) „Изложеніе усвоеннаго въ классѣ связнаго разказа“.

5. Наглядное обученіе въ приготовительномъ классѣ на урокахъ русскаго языка.

Въ программѣ приготовительнаго класса по русскому языку, въ числѣ прочихъ занятій, поменованы наглядныя бесѣды по картинамъ и предметамъ. Не отвергая полезнаго значенія нагляднаго обученія вообще при первоначальномъ обученіи дѣтей и въ частности при домашнемъ, на томъ лишь основанія, что оно въ настоящее время вышло изъ моды, тѣмъ не менѣе нельзя признать его и существенно важнымъ въ учебномъ курсѣ приготовительнаго класса, въ видѣ особыхъ бесѣдъ по этому предмету. Первая тому причина та, что приготовительный классъ далеко не располагаетъ лишнимъ временемъ, а вторая, что и всѣ другія учебныя занятія въ этомъ классѣ, служа, главнымъ образомъ, различнымъ спеціальнымъ знаніямъ, имѣютъ свою конечную цѣлю, какъ и наглядное обученіе, развитіе умственныхъ способностей учащихся вообще, и въ частности — сужденія и рѣчи ихъ, и, само собою разумѣется, въ большей или меньшей мѣрѣ, располагаютъ и средствами къ достиженію этой цѣли.

Посему, считаемъ достаточнымъ пользоваться въ этомъ классѣ нагляднымъ обученіемъ только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствительно составляетъ единственное и незаменимое средство поясненія изучаемаго, ограничиваясь, при показываніи учащимся картинъ и предметовъ, краткимъ, не отвлекающимъ отъ дѣла поясненіемъ учителя.

III.

Внѣклассныя или вечернія занятія въ приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ.

Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что, при современной намъ системѣ обученія, недостаточно однихъ классныхъ занятій для достиженія цѣлей всякаго благоустроеннаго учебнаго заведенія, а потому необходимость въ нихъ внѣклассныхъ занятій въ настоящее время общепризнана. Приготовительный классъ не оправдалъ бы своего названія и назначенія, если бы составлялъ исключеніе въ этомъ случаѣ, т. е., если бы онъ ограничивался одними классными занятіями и не подготовилъ бы учениковъ къ разумнымъ самостоятельнымъ занятіямъ въ послѣдующихъ классахъ. Признавши же необходимость внѣклассныхъ занятій и для приготовительнаго класса, необходимо и поставить ихъ (по крайней мѣрѣ, въ общежитіяхъ училищъ) такъ, чтобы они оправдывали свое назначеніе, т. е., достигали бы своей цѣли, способствуя выполненію задачъ этого класса. А такая правильная организація внѣклассныхъ занятій въ приготовительныхъ классахъ духовныхъ училищъ, какъ намъ кажется, только и возможна при участіи взаимной, посильной помощи учащихся въ этихъ классахъ и при соблюденіи слѣдующихъ важнѣйшихъ условій:

1. Предварительно практикованія взаимной помощи, необходимо подробно выяснитъ учащимся, какъ общую ихъ пользу отъ истинной взаимной помощи, такъ и то, что и почему требуется отъ нихъ для достиженія ея. Чѣмъ убѣдительнѣе будетъ выяснена учащимся приготовительнаго класса важность и не-

обходимость соблюденія ими всего этого для общей ихъ пользы, тѣмъ большимъ уваженіемъ съ ихъ стороны будетъ пользоваться выясненное имъ и рѣже нарушаться ими, да и то, благодаря неизбѣжной дѣтской забывчивости. Какъ ни малъ человѣкъ-ученикъ, а все же онъ, какъ извѣстно, болѣе любитъ дѣйствовать сознательно, чѣмъ по безотчетнымъ требованіямъ, приказаніямъ, а, слѣдовательно, и практикованіе такихъ приказаній, основывающихся на однихъ взысканіяхъ, надо признать дѣйствіемъ неразумнымъ и вреднымъ, обезличивающимъ ученика и ставящимъ его въ положеніе безсловесныхъ животныхъ.

2. *Основательное выясненіе учителемъ каждого урока.* Такъ какъ задача самостоятельнаго изготовленія учениками своихъ уроковъ ограничивается усвоеніемъ выясненнаго и понятнаго ими въ классѣ, то, понятно, что основательное выясненіе учителемъ даннаго урока есть самое главное условіе для разумнаго приготовленія его самими учениками, безъ всякой помощи учителя, а слѣдовательно и самое главное условіе для достиженія цѣлесообразной взаимопомощи. Само собою разумѣется, что и при самомъ лучшемъ преподаваніи не всегда всѣ ученики класса могутъ отчетливо понять выясненное, тѣмъ болѣе въ приготовительномъ классѣ, въ противномъ случаѣ была бы излишней не только взаимопомощь, но самыя вечернія занятія, а потому учителю приготовительнаго класса необходимо заботиться о томъ, чтобы учениковъ, понявшихъ урокъ было, по крайней мѣрѣ, возможно больше; въ противномъ случаѣ урокъ долженъ быть отложенъ до другого раза, иначе онъ будетъ изготовленъ безъ толку, и полезная взаимопомощь при этомъ будетъ немислима.

3. *Необходимо избѣгать назначенія ученикамъ непосильно обильнаго количества домашней работы.* При несоблюденіи этого втораго общезвѣстнаго педагогическаго требованія взаимопомощь также окажется безсильной.

4. *Своевременное дѣленіе учениковъ на группы.* Всѣ ученики приготовительнаго класса, для удобства взаимопомощи при изготовленіи ими своихъ уроковъ, должны быть раздѣлены на группы. Такое дѣленіе можетъ быть цѣлесообразно не

равнѣ того, какъ учитель ознакомится съ учениками, а они, въ свою очередь, достаточно ознакомятся съ приемами разумнаго приготовления своихъ уроковъ. Пока не настанетъ время дѣленія учениковъ на группы въ силу необходимости придется ограничиваться, если не исключительно, то преимущественно, классными занятіями и общими внѣклассными, т. е., подъ руководствомъ надзирателя—репетитора, по образцу классныхъ занятій. По раздѣленіи же учениковъ на группы, общія внѣклассныя занятія должны уступить свое первенство самостоятельнымъ группнымъ занятіямъ, а сами должны служить въ это время лишь подспорьемъ этимъ послѣднимъ, по мѣрѣ надобности, по усмотрѣнію класснаго надзирателя.

5. *Цѣлесообразный составъ каждой группы по количеству и качеству.* Количественный составъ группъ долженъ быть таковъ, чтобы было слышно всѣмъ членамъ ихъ и тихо говорящаго изъ нихъ. Всего лучше, если каждая группа будетъ состоять изъ трехъ учащихся, сидящихъ рядомъ. Такое дѣленіе должно быть обязательнымъ, если тому благопріятствуетъ устройство скамеекъ.

Въ каждой группѣ должны быть: относительно лучше усвѣвающій ученикъ, средній и слабый. Ученикамъ самымъ лучшимъ по усвѣхамъ полезно предлагать по одному компаньону изъ самыхъ слабыхъ и по одному изъ среднихъ, потому что такіе ученики, предполагается, имѣютъ больше возможности оказать помощь слабымъ. На случай чьего либо изъ нихъ несогласія на это, такой слабый ученикъ поступаетъ въ одну группу съ тѣмъ лучше усвѣвающимъ ученикомъ, который изъявитъ желаніе оказать ему помощь, что будетъ еще благонадежнѣе. Если для какойнибудь группы не окажется благонадежнаго, относительно, лучше усвѣвающего ученика, то она составляется изъ однихъ среднихъ, и въ нее ни въ какомъ случаѣ не долженъ входить слабѣйшій по усвѣхамъ, чтобы они имѣли больше возможности справляться со своимъ дѣломъ. Группы не должны состоять изъ однихъ рѣзвыхъ, способныхъ пошалить, а равно изъ однихъ вспыльчивыхъ, разсѣянныхъ и имъ подобныхъ. Въ большинствѣ случаевъ полезно составлять группы изъ лицъ, представляющихъ между собою контрастъ. Чѣмъ больше будетъ согласія со стороны учениковъ на такое или другое раздѣ-

щеніе ихъ, тѣмъ лучше. Заявленія учащихся о желаніи переѣзжаться изъ одной группы въ другую должны быть удовлетворяемы въ томъ случаѣ, если переѣзженіе будетъ цѣлесообразно. Каждый случай переѣзженія долженъ быть съ вѣдома и по усмотрѣнію класснаго надзирателя или учителя.

6. *Цѣлесообразное размѣщеніе членовъ каждой группы.* Наиболее успѣвающій ученикъ каждой группы во время вечернихъ занятій долженъ занимать среднее мѣсто, чтобы удобнѣе было слушать его сосѣдямъ, сочленамъ группы, такъ какъ онъ, предполагается, лучше ихъ понимаетъ выслушанное въ классѣ, а потому будетъ регулировать занятія, а, слѣдовательно, будетъ и говорить чаще, чѣмъ они. При письмѣ же, напр., онъ часто можетъ служить образцомъ для своихъ сосѣдей, а потому, при такомъ размѣщеніи, имъ удобнѣе будетъ видѣть его работу и пользоваться сильными совѣтами его.

7. *Цѣлесообразное размѣщеніе группъ.* Всѣ группы и при самомъ тщательномъ размѣщеніи ихъ не могутъ быть съ равными силами, а потому каждую слабую группу необходимо помѣщать смежно съ, относительно, лучшей, чтобы эта послѣдняя, на случай надобности, могла оказать ей сильную помощь. Каждая такія двѣ группы, по обоюдному согласію ихъ, могутъ заниматься и вмѣстѣ, но лишь при условіи, чтобы одна изъ нихъ находилась противъ другой, а не рядомъ съ ней, чтобы такимъ образомъ удобнѣе было слушать говорящаго реѣмъ членамъ такой двойной группы. Кроме того, необходимо, по возможности, наблюдать и другія педагогическія требованія, какъ-то: чтобы группы съ болѣе шаловливыми и лѣнивыми дѣтьми были на переднихъ скамейкахъ и вообще на мѣстахъ особенно удобныхъ для надзора за ними; группы съ близорукими и глуховатыми также занимали бы удобныя для нихъ мѣста не только во время вечернихъ занятій, но и въ классное время. Когда, напр., съ лѣвой стороны, на первой скамейкѣ сидитъ шалунъ, то на второй, съ той же стороны, долженъ сидѣть ученикъ скромный, а на третьей, съ той же стороны, можетъ сидѣть такой же, какъ и на первой и т. п.

8. *Правильный порядокъ занятій каждой группы.* Всѣ

члены каждой группы готовить свои уроки одновременно и вместе. Прежде лучше усивающій читаетъ данный урокъ по книгѣ, или воспроизводитъ прочитанное, или предлагаетъ вопросы, или воспроизводитъ классныя объясненія, или, вообще, прежде дѣлаетъ это тотъ изъ членовъ группы, кто лучше можетъ выполнить дѣло. Когда одинъ изъ членовъ группы говоритъ или читаетъ, то остальные слѣдятъ за нимъ и поправляютъ его ошибки. При обществѣ ихъ недоразумѣнн въ чемъ нибудь. они обращаются за разрѣшеніемъ его или къ товарищу другой группы, пользующемуся авторитетомъ, или къ классному надзирателю, смотря по удобству. Вообще, порядокъ ихъ занятій и приемы должны быть приближительны къ класснымъ, что, какъ уже указала намъ многолѣтняя практика, совершенно возможно. Каждая группа должна заниматься въ полголоса.

Обязательное участіе всѣхъ членовъ группы до окончательнаго изготовленія ими своихъ уроковъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно для способнѣйшихъ, иногда можетъ быть утомительно, напр., если по какой бы то ни было причинѣ окажется въ группѣ ужъ очень слабый ученикъ—это съ одной стороны; а съ другой—такое участіе въ приготовленія уроковъ будетъ убыточно для способнѣйшихъ учениковъ, потому что они не будутъ имѣть возможности располагать достаточнымъ количествомъ времени на чтеніе книгъ и другія свободныя занятія. Во избѣжаніе этого, т. е., чтобы способнѣйшіе ученики могли помогать слабѣйшимъ товарищамъ по группѣ не только безъ ущерба себѣ, но и съ пользой для себя. желательно, если не окончательное усвоеніе каждаго урока всѣми членами такой группы (что можно предоставить свободѣ желающихъ), то, по крайней мѣрѣ, обязательное совмѣстное выясненіе его и вообще такая предварительная проработка его, послѣ которой каждый средній по успѣхамъ членъ группы уже могъ бы и самостоятельно продолжить занятія совмѣстно съ слабыми и опять до тѣхъ поръ, пока это необходимо будетъ для перваго изъ нихъ. Вообще, только отчетливо усвоившіе уроки могутъ предоставлять остальнымъ самимъ себѣ въ дальнѣйшемъ усвоеніи ими своихъ уроковъ.

При заучиваніи наизусть стихотвореній, молитвъ и пр., занятія группой могутъ ограничиваться воспроизведеніемъ классныхъ объясненій и такимъ чтеніемъ урока по книгѣ, чтобы дальнѣйшее усвоеніе его наизусть каждымъ отдѣльно было толково.

Желательно, чтобы уроки, опущенные кѣмънибудь изъ группы (напр. за болѣзнію и по другимъ причинамъ), были выясняемы, въ случаѣ надобности, не только остальными членами ея, но и вообще всѣми желающими оказать помощь такимъ товарищамъ въ свободное отъ очередныхъ занятій время.

9. *Правильное пониманіе и выполненіе каждымъ членомъ группы своихъ взаимныхъ отношеній.* Каждому члену группы должно быть извѣстно, что всѣ они равноправны и должны оказывать другъ другу посильную помощь въ занятіяхъ съ охотою и безъ гордости, помня слова заповѣди Божіей: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе; а потому всѣ поправки ошибокъ, при занятіяхъ, не должны быть въ грубой формѣ и, въ свою очередь, должны быть принимаемы дружески, безъ обидъ и даже съ благодарностью, помня, что только истинные друзья всегда говорятъ правду, не скрываютъ ошибокъ друга, а льстецы первые враги наши.

10. *Разъясненіе учащимся случаевъ ложной взаимопомощи и вреда отъ нея,* напр., отъ подсказыванія сосѣду, исполненія работъ за него, поощренія и укрывательства посредствомъ лжи и обмана неправильныхъ поступковъ его и т. под.

11. *Чтобы и родители учащихся имѣли о взаимопомощи другое понятіе, чѣмъ о старинномъ аудиторствѣ, и не видѣли въ ней ложной цѣли обличенія класснаго надзирателя; кромѣ выясненія учащимся общей ихъ пользы отъ взаимопомощи и главныхъ условій, при которыхъ она возможна, необходимо также выяснять и родителямъ ихъ при посредствѣ мѣстныхъ старшіихъ органовъ.*

12. *Правильное пониманіе и точное выполненіе своихъ обязанностей руководителемъ вечернихъ занятій.* Руководитель вечернихъ занятій долженъ служить регуляторомъ для всѣхъ группъ: онъ долженъ бдительно слѣдить за правильностью занятій каждой группы; долженъ прислушиваться къ занятіямъ той

или другой изъ нихъ—гдѣ нужно исправлять, указывать имъ, какъ лучше повести дѣло,—выслушивать и разрѣшать всѣ заявляемыя учащимися недоразумѣнія, возникающія при занятіяхъ. Не мало умѣнья требуется со стороны руководителя, чтобы по мѣрѣ надобности раздувать огонь любви къ дѣлу и къ взаимной помощи. Только при искреннемъ его отношеніи къ своему дѣлу взаимопомощь можетъ дать богатые результаты. Само собою разумѣется, что, при такой задачѣ руководителя занятіями, имѣется въ виду не облегченіе его, а большая польза учащимся и вообще учебному дѣлу. Если же руководитель, сидя за чтеніемъ книги или другимъ постороннимъ занятіемъ, ограничится только лишь наблюденіемъ изъ-за учительскаго стола не столько за занятіями учащихся, сколько за тишиной въ классѣ, то, очевидно, такіа занятія не достигнутъ цѣли, а плохіе результаты ихъ послужатъ поводомъ къ отрицанію полезнаго значенія группныхъ занятій.

13. *Учитель, давая ученикамъ урокъ, всегда, а особенно въ первое время по раздѣленіи ихъ на группы, долженъ давать имъ совѣты о наилучшемъ приготовленіи ими даннаго урока группой.*

Польза группныхъ вечернихъ занятій и ихъ преимущества передъ общими и одиночными занятіями.

1. При общихъ занятіяхъ всего класса подъ руководствомъ надзирателя-репетитора и особенно при одиночныхъ, многіе изъ учащихся остаются навсегда слабыми, часто не по ограниченности умственныхъ способностей, а лишь потому, что были приготовлены хуже другихъ, или потому, что для нихъ новы тѣ трудности, борются съ которыми ихъ товарищи уже привыкли, или по неумѣнью разумно приняться за трудъ ученія, или опустивши что либо по болѣзни. Помощь надзирателя, какъ репетитора цѣлаго класса, даже при всемъ его желаніи и опытности, не можетъ быть съ временною поданою всѣмъ такимъ учащимся по причинѣ физической невозможности. Благодаря же своему безпомощному положенію теряя надежду слѣдовать за успѣвающими, такіе

наютъ въслѣдствіи со скуки сами портиться нравственно и служить соблазномъ и помѣхой для успѣвающихъ товарищей, ибо „*exempla trahunt*“, худые же примѣры въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, особенно опасны. Тогда какъ при группныхъ занятіяхъ несомнѣнно имѣется больше возможности не только къ ослабленію, но иногда и къ устраненію и даже предупрежденію такихъ и имъ подобныхъ нежелательныхъ явленій.

2. Одна изъ задачъ приготовительнаго класса заключается въ томъ, чтобы „научить мальчика, какъ надо учить урокъ, какъ выученное отвѣчать, какъ обращаться съ учебными пособіями, какъ пользоваться учебниками, даже совершенно и навсегда предотвратить механическое запятованіе уроковъ“ (Объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ, общія педагогическія замѣчанія пунктъ 3-й, литера Г.). Группныя занятія, конечно, при соблюденіи необходимыхъ, для достиженія цѣлесообразной взаимопомощи, требованій, содѣйствуютъ выполненію этой задачи, пріучая дѣтей разумно готовить свои уроки, а главное — исполнѣ самостоятельно; тогда какъ общія занятія, хотя и служатъ той же цѣли, но рѣже достигаютъ ея; одиночныя же и того хуже: ведутъ къ механическому заучиванію и вообще къ дурнымъ привычкамъ при изготовленіи уроковъ. Даже и со взрослыми случается, что и невѣрное, но разъ засѣвшее въ головѣ, долго не считается ошибочнымъ; а съ дѣтьми это случается сплошь и рядомъ. Поэтому-то, при одиночныхъ занятіяхъ, многое можетъ быть задолжено въ извращенномъ видѣ, до невозможности отрѣшиться отъ него, не будучи подмѣчено. Тогда какъ при взаимопомощи все это легко можетъ быть подмѣчено однимъ у другого и своевременно исправлено.

3. Что изъ уроковъ, при одиночныхъ занятіяхъ, легко могло быть отложено учащимся на завтра или вовсе оставлено не приготовленнымъ, безъ уважительной причины, единственно по дѣтской разсѣянности, то при группныхъ занятіяхъ, неволью будетъ сдѣлано своевременно. Слѣдовательно, группныя занятія пріучаютъ дѣтей и къ аккуратному выполненію своихъ ученическихъ обязанностей — „точному и добросовѣстному выполненію задаваемыхъ работъ“,

чѣмъ также достигается одна изъ задачъ приготовительнаго класса. (Объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ, литера В., пунктъ 3-й, лит. в.).

4. При группныхъ занятіяхъ приготовленіе уроковъ идетъ веселѣе и дружибѣе, чѣмъ при одиночныхъ и общихъ. При одиночныхъ легко можетъ вкратиться скука, а за ней и сонъ или шалости; при общихъ занятіяхъ также, если не невозможны будутъ шалости, такъ болѣе возможны, та же скука и сонъ, чѣмъ при группныхъ занятіяхъ, потому что при первыхъ не можетъ быть такъ дѣятельно участіе каждаго ученика, какъ при вторыхъ.

5. Болѣе дѣятельное участіе каждаго учащагося въ приготовленіи уроковъ, кромя возбужденія этимъ его вниманія и оживленія, важно еще и въ дѣлѣ усвоенія урока. Лучше усвоется то, что чаще повторяется и притомъ не другими, а самими; словомъ, то, что пріобрѣтено собственнымъ навыкомъ. Съ этой стороны группныя занятія опять имѣютъ преимущество передъ общими и одиночными занятіями: при первыхъ чаще чѣмъ при общихъ придется каждому учащемуся читать и рассказывать, хотя и далеко меньше, чѣмъ при одиночныхъ занятіяхъ, но съ несравненно большею пользою.

6. При занятіяхъ группами, у учащихся, такъ сказать, развивается языкъ, а также вырабатывается у нихъ болѣе правильная, а главное волюнѣ естественная дикція и привычка правильнѣе вести рѣчь — по лучшему плану и въ лучшей формѣ. Что въ этомъ отношеніи не подмѣчено въ классѣ или забыто однимъ и что при одиночныхъ занятіяхъ легко могло такъ и остаться, то при группныхъ занятіяхъ будетъ подмѣчено другимъ и такъ не останется, а своевременно будетъ исправлено. Опытъ показалъ, что замѣна этихъ занятій въ послѣдующихъ классахъ одиночными непремѣнно мало по малу сопровождается утратою пріятно-выразительной дикціи въ отвѣтахъ учащихся и замѣною ея монотонною и невнятною дикціею.

7. При занятіяхъ группами вырабатывается соревнованіе, которое со временемъ легко можетъ перейти въ привычку трудиться.

Здѣсь не только одинъ участникъ группы не хочетъ отстать отъ другого, но и одна группа отъ другой.

8. Группныя занятія приносятъ пользу и способнѣйшимъ изъ учащихъ, которая исполнѣ вознаграждаетъ, повидимому, излишне затраченное время и трудъ. Съ одной стороны такіе ученики, выясняя данный урокъ или извѣстное его жѣсто для другихъ, тѣмъ самымъ лучше выясняютъ его для себя, а повторяя одно и то же нѣсколько разъ для другихъ, чрезъ то лучше усваиваютъ сами; съ другой стороны — безъ этого, такъ сказать, принудительнаго труда при одиночныхъ занятіяхъ, по свойственному дѣтямъ самообольщенію, они легко могутъ ограничиваться и неудовлетворительнымъ приготовленіемъ уроковъ.

9. При группныхъ занятіяхъ неудобно будетъ выработаться тому дѣтскому эгоизму, который составляетъ нѣрдкое послѣдствіе одиночныхъ занятій, благодаря которому, дитя не только по собственному желанію не можетъ подѣлиться съ товарищемъ своими знаніями, но и при просьбѣ нуждающагося. Эгоистъ отказывается помочь ему, обыкновенно, или открыто заявляя о своемъ нежеланіи уважить просьбу товарища, или выставляя благовидные предлоги — чаще всего недосугъ и собственное незнаніе.

Въ заключеніе, на основаніи многолѣтняго опыта, съ уверенностію можемъ сказать, что занятія группами, при правильной постановкѣ ихъ и полномъ сочувствіи имъ со стороны руководителя вечерними занятіями и его опытности въ своемъ дѣлѣ, непременно дѣйствуютъ на каждого учащагося развивающимъ образомъ и ужь ни въ какомъ случаѣ не отупляющимъ, что не составляетъ рѣдкости при одиночныхъ занятіяхъ, особенно въ приготовительномъ классѣ, а потому, если гдѣ, то въ этомъ классѣ, одиночныя занятія неумѣстны.

Думаемъ, что не менѣе полезны вечернія занятія группами и для прочихъ училищныхъ классовъ, а особенно для первыхъ изъ нихъ.

Вотъ и все, что мы имѣли сказать съ цѣлію содѣйствовать

повышенію „полезнаго значенія“ приготовительныхъ классовъ при духовныхъ училищахъ. Позволяемъ себѣ надѣяться, что все упущенное нами изъ виду, а также недосказанное или же неправильно повѣствованное нами, въ тѣхъ же видахъ, будетъ выполнено другими, и такимъ образомъ болѣе выяснится путь къ усовершенствованію приготовительныхъ классовъ.

М. П. Баженовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки